

С. Бонд

ОТГОЛОСКИ РАСПАДА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

С. Бонд

Отголоски распада

«Автор»

2026

Бонд С.

Отголоски распада / С. Бонд — «Автор», 2026

Древняя печать трещит по швам, демоны Хаоса вот вот прорвутся — или уже прорвались — в мир. Тревожное ожидание буквально висит в воздухе. Ещё чуть чуть — и брат пойдёт на брата, не выдержав напряжения. Примечания автора: Произведение создано в рамках литературного конкурса «Чернила и сталь» 17.08. Собственно, и идея для текста изначально взята оттуда.

© Бонд С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Дисклеймер	5
Часть 1 "Цена пророчества"	6
Часть 2 "Кровь дракона"	10
Часть 3 «Гордость эльфов»	16
Часть 4 «Подземное эхо»	19
Часть 5 "Грех человеческий"	22
Часть 6 "Путь к Разлому"	27
Часть 7 "Сталь против Бездны"	31
Эпилог	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

С. Бонд

Отголоски распада

Дисклеймер

Данное произведение создано исключительно в развлекательных целях и не имеет задачи оскорбить кого-либо. Все совпадения с реальными людьми, рептилоидами, зелёными человечками с Марса, персонажами или событиями — простосовпадения. Произведение не призывает к каким-либо действиям, кроме прочтения; оно не является самоучителем, инструкцией или руководством по поведению в сложной жизненной ситуации. Все методики и действия являются художественным вымыслом. Любые упомянутые вещества — это просто ромашковый чай, а вместо крови и кишок — малиновый кисель. Многочисленные ироничные упоминания сумасшествия главного героя и автора — это просто самоирония. Не нужно звонить в дурку. Спасибо!

Часть 1 "Цена пророчества"

Древняя печать трещит по швам, демоны Хаоса вотвот прорвутся — или уже прорвались — в мир. Тревожное ожидание буквально висит в воздухе. Ещё чуть-чуть — и брат пойдёт на брата, не выдержав напряжения.

Но основные события начнутся чуть позже, а пока вернёмся в самое начало этой истории.

Дверь распахнулась с резким визжащим скрипом давно не смазанных петель и с оглушительным стуком врезалась в каменную кладку стены.

— Мессир! Вот вы где! Проснитесь! Случилось ужасное, непоправимое! Мессир, вы меня слышите? Мессир!

С невероятным трудом приоткрыв один глаз, я посмотрел в сторону входа, где стояла моя вечная головная боль. Голова гудела, мысли, как мыши от кота, разбегались в разные стороны, но, собрав всю волю в кулак, со второй попытки я смог прохрипеть ответ.

— Бертран, отрывка бездны, что ты орёшь? Какое ещё непоправимое? Дьявол тебя задери! Не видишь, мы тут с господином Люциусом обсуждаем важные дела.

Всё же приподняв голову и успокоившись, я увидел перед собой Люциуса, который был одет в тёмносинюю мантию не первой свежести, а его голова покоилась в тарелке с непонятным содержимым.

— Кстати, господин Люциус, вы не помните, о чём мы с вами говорили? — сказал я всё таким же хриплым и немного дрожащим голосом.

Люциус на это пробубльнул что-то невнятное, не поднимая головы от тарелки, и засопел дальше.

— Видишь, Бертран, мы с господином весьма заняты, так что в твоих же интересах согнуть с моих глаз, пока я не нашёл в себе силы встать.

— Но, мессир, а как же пророчество? — сказал он куда менее уверенно, но, найдя в себе смелость, подошёл ближе.

— Боги всемогущие, Бертран, какое ещё пророчество? Выражайся яснее! — проговорил я, опуская голову обратно на стол, где она так приятно лежала ранее.

— Ээ... Ну как же, мессир, пророчество... Ну, которое: «На заре времён, после Великой войны королевств, когда больше некому было сражаться, а воды морей стали алыми от крови, когда мир падал в пропасть... И там что-то ещё про демонов и хаос, а потом что-то там запечатали, и что однажды великое зло вновь пробудится и вернётся в наш мир, найдя новый проход».

— Что? А ты о той легенде? С чего ты вообще взял, что оно свершилось?

— Ну как же, мессир, печать!

— Бертран, я тебя сейчас ударю! Какая печать? Говори точнее.

С каждой новой фразой мой голос становился сильнее, приходя в норму, но вместе с этим нарастала головная боль, а вместе с ней — и раздражение.

— Как же, мессир, печать, которая высечена на гранитной плите. Я слышал, что такие плиты ещё до моего рождения были доставлены в каждую маломальски значимую крепость и многие другие места.

— Вот скажи мне, ты издеваешься? Бертран, если ты мне прямо сейчас чётко и по делу не скажешь, что случилось, я обещаю, что ближайшую неделю ты у меня с плаца не сойдёшь.

После моих слов Бертран немного побледнел и, выпрямившись по струнке, излишне громко сказал:

— Слушаюсь, мессир! Печать светится!

— Бертран, скотина, зачем так громко... Так, стоп! Что она делает?

— Эээ... Ну, это... Светится белым, таким...

— Что ж ты раньше не сказал! — почти прокричал я, подскакивая и хватая правой рукой короткий меч, с которым практически никогда не расстаюсь. В это же время левая рука нащупала на столе кружку с сомнительным содержимым и опрокинула её в глотку: с момента пробуждения меня мучила невероятная жажда. Когда её содержимое перекатилось в желудок, достопочтенный рыцарь отбросил кружку кудато в сторону и на скорости, которую не ожидаешь от человека, мучимого похмельем, покинул комнату.

Отброшенная кружка упала на стол, разбила глиняную чашу с закуской и, отрекошетив от стола (благо что она была сделана из дерева), попала по голове Люциуса, отчего его тело потеряло хрупкое равновесие и свалилось под стол вместе с тарелкой, где продолжило сопеть, не обратив внимания на смену обстановки. Бертран, который остался единственным наблюдателем всего этого действия, с некоторой тревогой посмотрел на кажущееся бездыханным тело, после чего встрепенулся и с криками: «Мессир, подождите меня!» — также выбежал за дверь.

Конечной точкой моего пути была запертая дверь, окованная железом, находящаяся в самой высокой части небольшой крепости. Именно здесь находились покои штатного мага. Распахнув её, я, не теряя времени, вошёл в помещение с множеством стеллажей и полок, на которых, как всегда, царил, как называл его Люциус, творческий беспорядок.

То, что так взволновало Бертрана, а затем и меня, находилось на столе, стоявшем у окна. Почти в его центре стояла небольшая гранитная плита; её часть была закрыта какимто свитком, который валялся раскрытым на столе посреди остального хлама. Но даже несмотря на это, сложный магический круг, высеченный с филигранной тонкостью в камне, светился ровным белым светом, который был виден даже сквозь пергамент.

Увидев это своими глазами, я подошёл к стеллажу, где без какоголибо смысла и порядка были навалены книги и свитки.

— И вот так всегда. Всегда какаято ерунда происходит именно в мой единственный выходной, — бурчал я себе под нос, перебирая книги и свитки в поисках инструкции к этой плите.

Последний раз, когда мне попадалась информация об этой легенде, я ещё учился в рыцарском корпусе. За прошедшие годы — а прошло уже больше десяти лет — в памяти сохранилось только то, что если магический круг светится чёрным, то всё плохо и нужно немедленно прибыть в ближайший город, где есть здание императорской канцелярии, для получения дальнейших распоряжений.

В это же время за спиной раздались торопливые шаги. Похоже, Бертран всё же догнал меня. «Пронёсась в голове мысль», — пока я разворачивал очередной свиток, в котором не было ничего, что сейчас мне бы пригодилось.

— Мессир, что...

— Помолчи, а лучше помоги мне найти эту проклятую книгу, — перебил я Бертрана, который переминался с ноги на ногу у меня за спиной.

Спустя час поисков:

— Бездна! В этом бардаке невозможно найти вообще ничего!

— Мессир, может, стоит разбудить господина Люциуса? Онто знает, где что лежит.

— Это бесполезно. Ближайшие два дня он в состоянии нестояния, и от него невозможно ничего добиться.

— А что же нам тогда делать?

— Есть у меня один вариант, но мне он очень не нравится.

— Мессир?

— Собирайся и подготовь лошадей. Мы отправляемся в лес.

С точки зрения Бертрана

За спиной с громким лязгом цепей и скрежетом старых механизмов закрывались ворота старой крепости. Эта самая крепость располагается практически на самой границе империи и принадлежит лендлорду Габриэлю Бальмондскому — ну, если быть совсем точным, то кому-то из его многочисленных вассалов.

Крепость представляет собой небольшой форпост, сложенный из обычного серого булыжника; он потемнел от времени, а местами покрылся зелёным мхом и вездесущей лозой. Над крепостной стеной возвышается башня мага — самая высокая и прочная конструкция во всей крепости, поскольку именно она является последним местом обороны на случай прорыва противника. На самой стене уже едва заметно мелькают фигуры немногочисленного гарнизона. Если судить по некоторым отличительным чертам, крепость была возведена ещё во времена, когда дед или даже прадед Бертрана топтал эту землю.

Отвлёкшись от разглядывания становящейся с каждой минутой всё меньше крепости, я перевёл взгляд вперёд, где на молодом и дерзком коне ехал мессир Кассиан Вулфгард, рыцарь второго класса, верный подданный его императорского величества.

Кассиан уже не молод: в его некогда русых волосах уже проглядывает седина, а некогда тёмнокарие глаза начали выцветать. Бернар никогда не интересовался, сколько лет его наставнику и непосредственному командиру. Несмотря на предполагаемый немалый возраст, Кассиан до сих пор невероятно силён по меркам обычных людей и имеет внушительный рост. Грубые черты лица дополняют несколько шрамов: один из них пересекает его бровь, а второй — губу.

Одет он в плотные штаны и рубаху серого цвета; на ногах — добротные сапоги. Поверх всего этого надеты поддоспешник и кольчуга, которые доходят почти до колен, спускаясь многосекционной юбкой, а также закрывают его руки вплоть до предплечий. Образ завершают лёгкая кираса, закрывающая грудь и спину, увесистый, даже на вид тяжёлый наруч на левой руке, который заменяет Кассиану щит, и короткий меч, покоящийся на поясе. Шлема, как обычно, нет: мессир считает, что любой шлем, надетый на голову, проклят, поскольку все разы, что он надевал его, ему прилетало по голове.

— Мессир, так куда мы едем?

— Да к одной вредной старухе, что живёт в лесу недалеко от болота.

— К ведьме?! Мессир, это может быть опасно.

— Успокойся. Слухи о ней преувеличены. Если она и владеет магией, то на уровне деревенской знахарки. Единственное, что её отличает от обычного шарлатана, — это удивительное умение предчувствовать неприятности и начитанность. Думаю, она знает, что означает светящийся камень.

— Ну, если вы так говорите, мессир, то волноваться, наверное, не о чем.

Дорога наша заняла чуть больше пары часов. Мессир уверенно вёл наш отряд из двух человек всё дальше в лес, практически не сбиваясь с намеченного пути, какимто образом раз за разом находя нужную дорогу.

И вот среди старых деревьев показался не менее, а может, и более старый домик, сложенный из уже местами подгнивающих брёвен, с наглухо закрытыми ставнями.

Мессир слез со своего коня и привязал его к ближайшему дереву, после чего направился к входной двери. Я поспешил за ним.

Кассиан, не стуча в дверь и не дожидаясь приглашения, распахнул её и вошёл. После чего прозвучал его недовольный голос:

— Эй, старуха, ты здесь? Дело есть.

Не ожидая подобного, я встал как вкопанный у порога, но затем вошёл вслед за ним.

Внутреннее убранство дома соответствовало его внешнему виду. Всё пространство погружено в полумрак; повсюду виднеются какие-то травы, грибы, когти и клыки каких-то зве-

рей. Поначалу в доме царила гробовая тишина, но затем послышался старческий скрежещущий голос:

— Кого там нелёгкая принесла?

И изза деревянной перегородки показалась сухонькая сгорбленная старушка, образ которой никак не вязался с рассказами о могучей тёмной колдунье.

— Ааа, это ты, солдатик. И что же привело тебя ко мне? Помнится, при прошлой нашей встрече ты говорил, что больше никогда твоей ноги не будет в этом доме, — сказала старушка насмешливым тоном, садясь на ранее не замеченный мною табурет.

— Жизнь — сложная и непредсказуемая штука. Ты ведь знаешь легенду про великое зло, что запечатали последние короли старых империй? — проговорил мессир, тяжело вздыхая.

— Да, припоминаю что-то такое. Но неужели ты пришёл сюда, чтобы послушать старую сказку из уст не менее старой женщины?

— Если бы... Ладно, не буду тянуть дракона за одно место. Что означает белый цвет магической печати на скрижали оповещения?

— Ха! Интересно. Я могу сказать, но сначала ты выполнишь для меня одну услугу, — сказала старуха, хитро улыбаясь своими тонкими потрескавшимися губами.

— Ты же понимаешь, что я могу узнать это и в другом месте, — нахмурился Кассиан.

— Да, но, будь у тебя реальный выбор, ты бы не пришёл ко мне. Насколько я помню, рыцарский кодекс, которому ты подчиняешься, гласит: всё, что связано со скрижалю оповещения, крайне важно для тебя, и ждать ты не можешь.

— Допустим, ты права. Так что тебе надо?

— Да так, сущий пустяк: мне нужно, чтобы ты принёс мне язык аспиды.

— Это который растёт в центре болот и который, как маяк, притягивает всяких тварей?

— Ну, ты преувеличиваешь, но в целом прав.

После этого воцарилось неприятное молчание, и рыцарь со старухой буравили друг друга взглядами.

— Ладно, будь потвоему, но ты мне будешь должна, — сказал мессир, разворачиваясь к выходу.

— Хорошо, — проговорила старуха, недовольно пошамкав губами.

Часть 2 "Кровь дракона"

Лучи беспощадного палящего солнца били прямо в лицо, падали на балахон, сделанный из грубой, пожелтевшей от времени ткани, нещадно грели латы и кольчугу, спрятанные под ним. Капля пота медленно сползает по виску. Очередной горячий, раскалённый порыв ветра поднимает клубы мелкого песка, швыряя его прямо в лицо. Благо, хотя бы повязанный шёлковый шарф спасает от необходимости потом полчаса отплёвываться, пытаясь избавиться от навязчивого ощущения каменной крошки во рту. Глаза же защищают очки с крупными тёмными линзами, которые будто сделали из донышек винных бутылок, к которым присобачили ремень, застёгивающийся на затылке. Чуть позади и сбоку на верблюде сидит Бертран в точно таком же прикиде.

Коней уже достаточно давно, ещё когда мы пересекали границу, сменили горбатые чудовища — как их иногда называл старый наставник Седрик ещё в те далёкие времена, когда я учился в рыцарском корпусе. И мы оба — в смысле, я и Бертран — медленно тащимся по вяло двигающейся очереди. Целью же всех существ, что стояли в ней, был, есть и, наверное, будет один из двух входов в один из крупнейших независимых городов великой пустыни — КхарВадр. Эту пустыню ещё иногда называют Выжженными землями.

— Господь всемогущий, ну за что мне всё это? Бертран, вот скажи, я плохой человек или, может, я сделал в своей жизни что-то по-настоящему плохое?

— Эээм... Мессир, о чём вы?

— Да так, не обращай внимания, просто старческое бурчание.

— Мессир, но вы не так уж и стары и полны сил.

— Ага, скажи это моей пояснице — она, кажется, не знает об этом.

И снова воцарилось молчание, разрываемое лишь гомоном очереди да шорохом песка под ногами. Длинная вереница существ продолжала двигаться вперёд с неспешностью улитки и вальяжностью черепахи. Кого здесь только не было: и пешие, и конные — или правильнее будет сказать «верблюдные»? На повозках и без, низкие, высокие, широкие и узкие, загорелые и нет. Были видны как богачи, так и откровенные оборванцы. Изредка даже встречались длинноухие или зеленокожие, а один раз даже вроде были видны рога. И все они стремились попасть в одно и то же место — КхарВадр. Место, куда ежедневно прибывают сотни существ: путников, купцов, ремесленников, искателей лёгкой наживы и приключений. КхарВадр — один из крупнейших торговых центров сего материка, куда пускают всех, несмотря на цвет кожи, количество глаз, рук и всего остального, — если у тебя есть монеты, сладострастный звон которых манит многих.

— Мессир, а можно вопрос?

— Смотря какой и о чём.

— Да просто меня уже достаточно давно интересует одна вещь...

— Боже, Бертран, не тяни дракона за одно место. И говори уже, что там у тебя.

— Ладно... Мессир, почему вы согласились на условие той ведьмы, а потом и на всё остальное? Ну, вы поняли.

Немного помолчав и взглянув на него, я всё же ответил:

— Потому что, Бертран, как бы мне ни хотелось это признавать, но кое в чём та старуха была права. У меня не было столько времени, чтобы искать ответы в другом месте. Понимаешь, к сожалению или к счастью, в нашем мире клятвы — это не просто слова, особенно клятвы наподобие той, что я давал, когда выпускался из рыцарского корпуса. Так что у меня, в каком-то смысле, не было выбора, кроме как довериться той неприятной женщине.

— Ну, не знаю, мессир, мне она показалась достаточно безобидной.

— Ой, Бертран, не начинай. Просто запомни: исторически так сложилось, что я не пере-вариваю ведьм, колдунов, гадалок, астрологов (не путать с астрономами), молефиков, некро-мантов, чернокнижников, демонопоклонников и демонологов, фальшивомонетчиков, воров, разбойников, контрабандистов, шулеров, владельцев компаний микрозаймов, мошенников и психологов. В общем, всех тех, кто наживается на чужом несчастье или является его источни-ком.

— Это понятно, но, мессир... А что не так с психологами?

— Бертран, просто заткнись.

— Но...

— Я сказал, заткнись, не доводи до греха.

Ранее, значительно ранее. С точки зрения лесной ведьмы

Старушка сидела за столом. Тонкие сухие пальцы привычными движениями перебирали пучки трав. Монотонные, привычные действия успокаивают, приводят мысли в порядок. С каждым годом это становится всё сложнее. Я уже слишком долго барахтаюсь в этом болоте под названием «жизнь», непростительно долго. Каждый новый день приближает неизбежный конец, и с каждым утром холодящие пальцы смерти всё отчётливей сжимаются на моей шее. И тут мне приходит весть, что старое пророчество начало неотвратимый ход своих шестерней. Тот, кто не верит в судьбу или злой рок, — глупец.

Неспешный ход мыслей прервал неожиданный гость. Хотя, вру: я его ждала, слишком долго ждала.

Входная дверь, как и несколькими часами ранее, резко распаивается, и на пороге появ-ляется массивный силуэт. Он делает шаг, и неровный свет масляной лампы, стоящей на столе, выхватывает отдельные черты незваного гостя. Вся его одежда промокла; в некоторых местах с кольчуги свисают пучки водорослей, волосы взъерошены, и в них виднеются кусочки болот-ной тины. Лицо искажено гримасой крайнего раздражения и недовольства. Ещё шаг — свет бликует на металле старой кирасы. На грудной пластине видно яркозелёное пятно оплывшего металла. Ещё шаг, и за его спиной виднеется силуэт, что топчется у входа в дом, не решаясь войти внутрь.

— Я выполнил твою просьбу, старуха, а теперь — информация, — говорит он, протя-гивая цветок с яркоалыми лепестками, напоминающими языки пламени. Цветок явно просто выдеран из почвы — о чём говорят торчащие и местами ободранные корни растения.

Я забираю цветок и неторопливо (в моём возрасте сложно торопиться хоть в чёмто) обры-ваю стебель с корнями. После чего полученный бутон отправляется в небольшой чайный чай-ник, из носика которого выходит струйка пара.

— Ты сейчас серьёзно? Ты отправила меня в центр болот за цветком для чая? — произ-носит он, недоумевая.

— А я и не говорила, что он мне нужен для чего-то особенного. Просто я люблю пить чай, — сказала я, насмешливо посмотрев ему в глаза.

— Бездна, ладно, неважно. Говори уже, и я пойду.

— Хорошо, но для начала...

И я достаю из складок одежды небольшой нож и осколок каменной плиты. Обычный такой камень, по своей сути, без каких-либо узоров и пометок. Но ято знаю, я знаю, я помню... Помню. Дрожащей рукой царапаю палец, и алая капля попадает на поверхность камня.

— А теперь ты давай сюда руку, — говорю, протягивая ладонь в его сторону.

— Да знаешь, что-то не хочется. Давай ты просто расскажешь, что меня интересует, и разойдёмся, как в море корабли.

— Солдатик, осторожность — это хорошо, я бы даже сказала, прекрасно, но не в этой ситуации. И как только мы закончим, я расскажу тебе всё, что тебе необходимо знать.

После моих слов он напрягается и с подозрением смотрит то на меня, то на нож, то на осколок. В молчании проходит какое-то время, после чего он решается, протягивая мне ладонь. Резкое движение лезвия — и ещё одна капля крови оказывается на каменной поверхности. Как только вторая капля касается осколка, кровь начинает бурлить, вспениваясь и растекаясь по поверхности, образует сложный рисунок магических символов. И как только кровь замирает, красные линии вспыхивают алым, а вместе с этим на ладони старого рыцаря появляется точная их копия.

— Это что ещё за дерьмо? — говорит он, разглядывая хитросплетение знаков у себя на руке.

— А теперь слушай и запоминай. Белый свет означает, что грань между мирами снова истончилась. Печать, наложенная королями старых империй, ещё держится, но не пройдёт много времени, как и эта преграда падёт. Единственный способ остановить катастрофу — собрать воедино все осколки некогда единого артефакта. Истинные короли разделили его на несколько частей и передали своим потомкам. Прошли сотни лет, старые империи пали, родились новые. Время стёрло упоминание артефакта из памяти разумных, и лишь древние свитки с описанием тех событий помнят те дни. Слушай артефакт. Найди всех носителей старой крови и собери все осколки воедино. А теперь ступай. Я слишком вымоталась за сегодняшний день.

Когда мой дребезжащий голос затих, старый рыцарь молча развернулся и пошёл к выходу, сжимая в руке наследие древних времён. Но остановился у двери и, полуобернувшись, сказал:

— Слушай, старая, а тебе случайно не нужно кило так сто пятьдесят отборного мяса? Оно даже почти совсем, наверное, не ядовитое. Недорого, почти даром.

Настоящее

— Запомни, Бертран, с этого самого момента в список личностей, что мне не нравятся, официально попадают очереди и особенно очереди в пустыне.

— Мессир, я рад, что вы сохраняете бодрость духа.

— Я говорил тебе, что ты порой невыносим.

В город мы попали, когда солнце уже клонилось к закату. Дневной зной отступал, сдавая свои позиции ночной прохладе. Оставив верблюдов в стойлах, мы отправились на поиски. По мере приближения к этому городу странное чувство притяжения становилось всё сильнее, а когда мы оказались внутри, оно многократно усилилось, так что сомнений в том, что нужный нам человек находится где-то здесь, лично у меня не осталось.

Даже в ночное время жизнь на улицах КхарВадра не останавливалась, а, казалось, начинала бурлить ещё активней. Десятки и сотни латков с различным добром не прекращали торговлю. Тысячи гостей и жителей города непрерывным потоком растекались по широким улицам и укромным закуткам. И вот, спустя недолгое время, нити судьбы или кривая дорожка случая привели наших героев к дверям крайне интересного заведения.

— Ээм... Мессир, вы уверены, что нам сюда?

— Пока ты не спросил, был уверен. Почти.

— Просто я думал, что носитель древней крови будет в более... Не знаю, какое слово подобрать.

— Запомни, Бертран: игральные дома — это не просто места, где люди и не только люди с сомнительной репутацией играют на деньги. Зачастую именно в подобных местах заключаются крупные торговые сделки. Да, я не отрицаю, что ещё такие места любят не самые законопослушные личности, но случаи в жизни бывают разные.

Откинув все сомнения, я пошёл внутрь. Внутри игровой дом выглядел, ну, если говорить простым языком, — дорого, богато. Красивый узорчатый паркет, резная деревянная мебель, серьёзные полуорки по углам комнаты, выполняющие функции охранников, красивые полуобнажённые девушки всех форм и рас, разносившие напитки и еду посетителям. В воз-

духе витает запах дорогого алкоголя, табака и чего-то ещё. Осмотревшись, я практически сразу понял, кто мне нужен.

В дальнем углу зала, в одиночестве, за круглым столом из тёмного дерева сидел, ну, скажем так, человек. Одет он был в тёмные одежды наподобие пиджака; на руках — чёрные перчатки, на голове — шляпакотелок того же цвета. Черты лица острые: орлиный нос, на подбородке — небольшая бородка, волосы под стать костюму — чёрные. Первое, что бросается в глаза, — рога, что растут из самой высокой точки лба, заггибаются назад и вверх. Второе, что бросается в глаза, это, как ни странно, глаза: яркозелёные, с веретеновидным зрачком, как у змеи.

Ничего не говоря, я сел за стол напротив него. Увидев меня, человек напрягся: его глаза забегали по сторонам, но остановились на мне.

— Прошу прощения, мы знакомы? — сказал он, пытаясь скрыть своё волнение.

— Нет, но мне кое-что от тебя нужно.

— И что же нужно distinguished господину, имя которого я не имел удовольствия узнать? Кстати, моё имя — Вазир.

— Хмм... Кассиан Вулфгард, рыцарь второго класса.

— Значит, вы не местный. И что же господину рыцарю и его молодому спутнику понадобилось от скромного меня?

— Осколок.

— Какой ещё осколок?

— Осколок каменной плиты, что, возможно, тебе передал один из родственников по наследству, или что-то типа странной семейной реликвии.

— Осколок, говорите... Нет, совершенно точно нет, впервые слышу, — проговорил он, на мгновение мотнув взгляд куда-то в сторону и сцепляя руки в замок.

— Ты уверен? — ответил я, добавив угрожающих ноток в голос.

— Дда, абсолютно, — говорит, пытаясь скрыть волнение.

— Понятно.

Я встаю и хватаю Вазира за воротник костюма, говоря на ходу:

— Пойдём, выйдем.

В ближайшей подворотне

— Эээ, мужик, спокойней! Я же говорю, я не знаю, о каком осколке идёт речь! — уже не скрывая волнения, почти кричал Вазир, когда я, оторвав его от земли всё за тот же многострадальный воротник, прижал к стене. Несмотря на явное родство с повелителями небес, на что недвусмысленно намекают многие признаки, он не отличался особо высоким ростом или могучим телосложением, так что вскоре он уже висел в воздухе, судорожно дёргая ногами, пытаясь установить контакт хоть с какой-то поверхностью.

— Повторяю последний раз: где, пожри тебя бездна, сраный осколок?! Если я услышу ещё одно «не знаю», клянусь самым дорогим, что у меня есть, — здоровьем Бертрана, — ты пожалеешь.

Встряхнул Вазира, чтобы стимулировать мыслительные процессы, и особенно злобно взглянул ему в глаза. В голову даже начали приходить мысли, не избавиться ли от него и забрать осколок так, но потом вспомнил, что он мог его где-то спрятать.

Молчание неожиданно нарушил Бертран:

— Мессир, вы же не собираетесь его... ну, того...

— Что? Неет, как ты мог такое подумать? — сказал я наигранно невинным голосом, чтобы даже тупой смог понять, что это неправда.

Вазир, услышав мои слова, задёргался с новой силой. Пот уже ручьями катился по его лицу, а шляпа, не выдержав подобных испытаний, скатилась с его головы.

— ТАК, стоп! Слышишь? Нету его, у меня НЕТУ! У меня вообще ничего НЕТ! Я простой горшечник, который все заработанные деньги сливает на азартные игры! Слышишь?! Я его проиграл! Белый халат забрал осколок. Сказал, что взамен на него спишет с меня весь долг. Какой придурок... Это просто камень, я проверял: в нём даже крупницы магии нет!

— Что за Белый халат? — сказал, встряхивая его ещё раз.

— Человек! Человек: лысый, голубые глаза, густая чёрная борода, всё время ходит в белом халате или балахоне. Главный по контрабанде в этом районе города.

— Где его найти? — проговорил я, опуская Вазира обратно на бrenную землю.

— Прямо по этой улице, в конце — постоялый двор. Он один там. У любого из управляющих спроси, можно ли постирать одежду, — они приведут, куда нужно.

— Ну, видишь, как всё оказалось просто. А теперь слушай и мотай на ус. Возвращаешься в игровой дом, садишься за тот же столик и ждёшь меня. Я скоро вернусь. И запомни: если попытаешься сбежать, я всё равно тебя найду. Мы друг друга поняли?

— Дда, сэр.

Как оказалось, попасть к одному из главных контрабандистов города достаточно просто. Плюс Вафир, пусть лаконично, но точно описал его внешность. И вот, найдя нужное место, уже через пять минут управляющий открывает перед нами дверь.

Убранство комнаты своеобразно — если слово «убранство», в смысле, вообще можно применить в этом случае. Вдоль всех стен, от пола до потолка, навалены кучи каких-то вещей: оружия, украшений, свитков, книг и многого другого. В центре стоит массивный деревянный стол, который наполовину закрывает фигуру сидящего за ним человека. Дверь за нами закрыта, оставляя один на один с... Белым халатом. Действительно, какое говорящее прозвище.

Желая поскорее с этим закончить, я первый начал разговор:

— Мне нужен каменный осколок, что ты забрал за игровой долг у Вазира.

До этого расслабленное лицо на миг исказила гримаса раздражения, после чего человек откинулся на спинку кресла, в котором он сидел, убрал руки под стол, и посмотрел на меня более сосредоточенно.

— А с чего вы взяли, что я захочу его вам отдать?

— Я готов заплатить за него, если дело в этом.

— Это уже интересней, но... Понимаете, этот осколок очень заинтересовал одного крайне важного человека, и этот важный человек очень хочет его заполучить.

— Если дело в сумме, я заплачу больше, чем предлагает тот человек.

— Нет, вы не совсем меня понимаете. Дело не в деньгах.

— Значит, вы отказываетесь отдавать его при любых условиях, и дело не в цене?

— Пожалуй... да.

— А если я попытаюсь забрать его силой?

— Это угроза?

— Учитывая, что вы не оставляете мне выбора, — да.

— Ц... Понимаете, вот вы приходите ко мне, говорите, что вам что-то нужно, говорите без уважения как ко мне, так и к очень важным людям. А затем начинаете ещё мне угрожать. Вы знаете, что дела так не...

Белый халат обрывает свою фразу на середине, после чего раздаётся щелчок арбалетной тетивы.

Свист разрываемого воздуха и звук глухого удара арбалетного болта о потолочную балку. Но тело, закалённое не одним десятком боёв, начало своё движение ещё в тот момент, когда контрабандист только стал поднимать руку с небольшим самозарядным арбалетом. Доля секунды — и тело уже уходит с траектории выстрела; вторая — и я уже у стола; третья — и арбалет звякает, ударяясь об стол вместе с кистью противника, отсечённой мечом, который,

как по волшебству, скользнул в ладонь. Дальше из обрубка руки толчками начинает бить ярко-красная кровь, заливая стол и пол помещения. Вместе с этим Белый халат — или его уже можно называть Красный халат — вскакивает с кресла, роняя его, и, вопя во всю глотку, второй рукой пытается остановить кровь.

— АРХ! Что тебе нужно?! Осколок?! Да забирай и вали отсюда! Чтобы я больше тебя не видел в этом городе! — истошно вопит.

С этими словами он открывает выдвижной ящик в столе и, немного порывшись там, швыряет обломок каменной плиты на стол. После чего на максимальной скорости, спотыкаясь и чуть ли не падая, бросается к стеллажу с какимито склянками, начинает дрожащей рукой перебирать их, бормоча: «Где, где же оно?»

Дальше никаких непредвиденных проблем на нашем пути не было. Благо, что в постоялом дворе оказалась удивительно хорошая звукоизоляция, и Вазир, как хороший мальчик, ждал нас в игральном доме, понемногу цедя уже второй стакан какого-то пойла.

Дальнейшая процедура забора крови на артефакт прошла в штатном режиме, и я оказался счастливым обладателем ещё одной татуировки — всё на той же руке.

Вот я и Бертран стоим у дверей игального дома и смотрим, как на горизонте уже занимается рассвет. В голове нехотя ворочаются мысли, но самая навязчивая из них интересуется у меня: а сколько ещё частей артефакта разбросано по миру и сколько ещё подобных неприятных встреч придётся пережить, чтобы добыть их все?

— Мессир, как думаете, сколько всего осколков?

— Слушай, Бертран, ты случаем не телепат? — спросил я, даже не поворачивая в его сторону голову.

— Эээ... Что?

Часть 3 «Гордость эльфов»

2 недели, 3 дня, 12 часов спустя.

С точки зрения Бертрана

Величественный и в обычное время полупустынный зал магического полигона, что находился в паре кварталов от столичного дворца эльфийского народа, сегодня был необычайно оживлён. Десятки, если не сотни остроухих наблюдателей, жмущихся по стенам зала, не переставая галдели, поддерживая своего бойца. Я стоял в первом ряду, смотря в центр будущего ристалища. А там, на гранитных плитах, что устилали пол, стояли двое и смотрели друг другу в глаза.

С одной стороны — господин Кассиан в своём привычном снаряжении: кольчуга до колен, латный нагрудник, наруч на левой руке вместо щита. Его короткий меч покоился в ножнах, а лицо не выражало ни грамма волнения. Напротив него застыла прекрасная эльфийка: светлый обтягивающий костюм подчёркивал каждый изгиб её фигуры, длинные светлые волосы были стянуты в тугой хвост. Обычно мягкое и милое лицо сейчас казалось необычайно сосредоточенным и строгим. В руке она держала изящный тонкий клинок, похожий на шпагу, — лёгкий, стремительный, будто продолжение её руки.

Неожиданно прямо под ухом какойто из эльфов закричал, чуть ли не оглушая меня:

— Давайте, королева, покажите этому мужлану, где его место!

Я с недоумением посмотрел на него, но, ничего не сказав, перевёл взгляд на судью, который вотвот должен был объявить начало поединка.

— И как вообще всё так вышло? — почти шёпотом пробормотал я.

Несколькими часами ранее (восстановлено по воспоминаниям Бертрана)

Мы стояли перед дверьми в тронный зал. Как мессире удалось устроить аудиенцию с правителем эльфийского народа, я так и не понял, но что сделано, то сделано — и вот мы здесь, ждём, пока нас впустят.

— Так, Бертран, запоминай: пока я буду договариваться с королём эльфов, ты будешь стоять в сторонке и делать высоко одухотворённый вид. Эльфам такое нравится. И да, самое главное: если к тебе ктото подойдёт и чтото начнёт спрашивать, не отвечай ему ни в коем случае.

— А почему? — с некоторой долей недоумения посмотрел я на Кассиана.

— Да потому что, мой дорогой друг, страна эльфов — это странное место, и жители в ней соответствующие. Они все поголовно свято верят в какуюто демократию, всеобщее равенство и эльфийские права. Собственно, поэтому, несмотря на то что эльфы живут веками, правителя они меняют каждые десять лет. В общем, они все, слышишь, все странные. Кстати, если мне не изменяет память, пару лет назад как раз должны были выбирать нового короля, так что кто это конкретно — я не знаю, както не было необходимости узнавать.

И как раз, когда мессир закончил свою фразу, двери перед нами распахнулись, и мы вошли. Тронный зал был сложен из белого мрамора. В центре, на небольшом возвышении, стоял величественный трон, сплетённый из множества ветвей. Собственно, на троне сидела уже знакомая нам особа в пышном белом платье и с диадемой из серебра на голове. Чуть позади трона стоял уже знакомый старый эльф — главный советник. Именно с ним Кассиан както договорился об аудиенции. И тут началось это...

— Ооо, какие люди... В смысле, эльфы! Зера, это ведь ты, да? Точно, ты! Твою мордашку я запомнил на всю жизнь. Как, оказывается, удобно, что эльфы с возрастом не меняются.

С каждой новой фразой ладонь эльфийки всё больше закрывала её лицо.

— Ну конечно! Не ожидал тебя увидеть при таких...

— Кас, — тихий голос эльфийки.

— А помнишь, как мы... — жизнерадостно продолжал Кассиан, не обращая внимания на слова эльфийки.

— Кас, — чуть громче.

— А затем мы с тобой, а ещё... — продолжал мессир.

— Кассиан, демоны тебя задери! — уже закричала эльфийка.

— Что? Я думал, ты будешь рада увидеть старого друга. Помнится, на границе со степными орками ты была более дружелюбна.

— Кас, старый ты пердун, какого ты припёрся?

— Госпожа, венценосной особе не подобают такие речи, — раздался голос главного советника.

— Ой, ЛисийСын, или как там тебя... Завались! Это мероприятие из разряда «официальная дипломатическая встреча» переходит в разряд «приватный разговор», так что иди отсюда. Иди, иди, чего встал?

— Лисицын. Слушаюсь и повинуюсь, госпожа, — сказал главный советник и с невозмутимым лицом покинул тронный зал.

— Зачем пришёл, Кас? Вот вообще не верю, что просто навестить подругу.

— Хотел бы сказать, что ты не права, но ты права. Мне нужен осколок каменной плиты древний артефакт и капля твоей крови.

— Кас, ты совсем аху... афигел! Мало того что ты пришёл ко мне, не извинившись, так ещё и требуешь реликвию династии. Тебе напомнить, как мы расстались?

— Я тебе уже говорил: меня перевели на другой фронт, причём не по моей воле.

— Ты кинул меня!

— Неправда. Ну хватит дуться. Когда это было... Просто скажи, что ты хочешь за этот камень.

— Ах ты, скотина! Хер тебе, а не камень.

Спустя час ожесточённых переговоров...

— Дурак!

— Сама дура.

— А ты ещё больший дурак!

Стояли эти двое друг напротив друга и последние десять минут просто обзывались.

— Боже, ты невыносима! Ну давай решим этот вопрос, как в старые добрые: бой до первой крови. Сталь и магия, снаряжение — любое. Если выиграю я, то камень мой.

— А если выиграю я? — спросила растрёпанная королева.

— А что ты хочешь?

— Хм... Если выиграю я, то ты принесёшь мне личную клятву верности.

— Ты серьёзно?

— А что? Ты сам сказал, что я могу выбрать. Я выбрала. Так что — через два часа на магическом полигоне.

И вот мы снова здесь: толпа народу, гомон и тихий бубнёж судьи, который объясняет правила. Бой начался без криков и пафосных слов — лишь негромкий сигнал судьи.

Эльфийка рванула вперёд, используя преимущество скорости и лёгкости: её клинок описал в воздухе серебристую дугу, целясь в незащищённую шею рыцаря. Кассиан не отступил — он шагнул навстречу, сокращая дистанцию, где её длинные выпады теряли силу. В последний миг он резко дёрнул плечом, отклоняя корпус, и выхватил короткий меч. Сталь лязгнула о сталь: его клинок, более тяжёлый и массивный, принял удар и отбросил тонкую шпагу в сторону.

Эльфийка тут же ушла в сторону перекатом, не давая Кассиану развить атаку, и, только закончив движение, взмахнула рукой, сплетая в пальцах тонкую нить магии. Воздух вокруг её клинка замерцал, на мгновение по стали клинка пробежал разряд молнии, и следующий

выпад получился ещё быстрее, чем раньше. Кассиан едва успел подставить лезвие: удар пришёлся плашмя, но сила его была такова, что рука рыцаря начала прогибаться под натиском противника.

Он не стал отвечать магией, хотя Бертран точно знал, что мессир знал несколько простеньких приёмов. Вместо этого Кассиан скосил лезвие своего клинка: смертоносная сталь скользнула вдоль изящного клинка, гарды мечей столкнулись, вынуждая оппонента отдёргнуть руку. В тот же миг он шагнул ближе и нанёс короткий рубящий удар снизу вверх — не в тело, а по клинку, стараясь выбить оружие.

Эльфийка отступила в сторону, уходя с траектории удара, и нанесла свой удар: острие её шпаги устремилось в неприкрытый латами бок, но было отброшено в сторону ударом руки, закованной в наруч. Кассиан, не теряя ни секунды, сделал ещё один шаг вперёд и резко крутанул мечом, целя в бедро — не для смертельного удара, а чтобы сбить темп. Сталь зазвенела, высекая искры, и в этот момент рыцарь сделал резкий подшаг, тараня противника плечом и ломая устоявшийся ритм битвы.

Эльфийку отбросило в сторону, и воспользовавшись разрывом дистанции, она создала одно из простейших и быстрых заклинаний: в воздухе перед ней вспыхнули три комочка пламени, которые рванулись к рыцарю, словно живые, постоянно меняя траекторию удара. Кассиан лишь коротко хмыкнул и, не глядя, махнул рукой, создавая свой «светляк» — простую, но яркую вспышку, практически сырой выброс силы, что смёл и развеял творения эльфийки. В ту же секунду он рванулся вперёд, не давая ей времени на новые чары.

Ещё один резкий выпад, ещё один звон клинков. Эльфийка пытается уйти в серию быстрых уколов, но Кассиан встречал каждый из них тяжёлым, уверенным блоком, постепенно тесня её к краю площадки. Наконец, в момент, когда она сделала широкий замах, пытаясь пробить его защиту сверху, он резко ушёл в сторону, поднырнув под её руку, и коротким, точным движением выбил шпагу из её пальцев. Клинок звякнул о камни и замер, вращаясь на месте.

Эльфийка замерла, осознавая, что проиграла это сражение. Кассиан остановился напротив неё, опустив меч, но не убирая его в ножны. Его лицо попрежнему оставалось спокойным, будто ничего особенного не произошло. Первая кровь так и не пролилась, а судья уже во всю плотку вопил, что поединок окончен.

Утро следующего дня

Я стоял на каменной кладке перед королевским дворцом и дышал утренним прохладным воздухом. Рядом стояла пара уже запряжённых и готовых к дальнейшему пути лошадей. За спиной раздался довольный голос мессира:

— Ну вот и всё. Третий осколок у нас. Чувствую, осталось немного, и можно будет возвращаться домой.

После этих слов он оседлал коня и медленно направился в сторону выхода из столицы. Я последовал за ним.

— Мессир, как думаете, где будет следующий осколок?

— Не знаю, но...

Нашу неторопливую беседу прервал необычно громкий женский крик, что раздался со стороны дворца. Обернувшись, я увидел её — прекрасную эльфийскую королеву, которая стояла в одной полупрозрачной ночнушке, не скрывавшей вообще ничего.

— Кас! Скотина, а ну вернись! — кричала обнажённая эльфийка с разъярённым лицом.

— Мессир, вы... с ней... — сказал я, не зная, какие слова подобрать.

Но он ничего не ответил, а просто помчался вперёд, набирая всё большую скорость.

— Мессир, подождите меня!

Часть 4 «Подземное эхо»

Ещё какое-то время спустя, вблизи восточных гор

Сторонний наблюдатель

Дорога бежала вперёд, будто сама торопилась увести двух героев прочь от света, и наконец привела их к заброшенным шахтам гномов. Вход зиял, как чёрная пасть: обрушенные опоры, вывернутые балки, камни, сваленные в беспорядочные груды. Здесь когда-то ковались лучшие доспехи и оружие на всём континенте, здесь металл дышал силой, а воздух звенел от ударов молотов. Теперь же вокруг героев были только руины, тишина и... нечто ещё.

Рыцарь и его спутник шагнули под своды, и мир сразу стал плотнее, тяжелее. Запах ударил первым: густая, маслянистая вонь, словно горелый жир смешался с железом и чем-то сладковатым, гнилым. Это был запах не просто тления, а будто само пространство здесь прогнило изнутри. Рыцарь сглотнул, и во рту появился металлический привкус, будто он лизнул ржавый клинок.

Комок яркого света, что парил над их головами, бросал рваные блики на стены. Камень был испещрён множеством отметин, но многие из них словно расплывались на глазах. Гдето впереди глухо капала вода — кап... кап... кап... — и каждый удар эхом множился, превращаясь в шёпот.

Он сделал ещё шаг, и под подошвой его сапог что-то хрустнуло. Рыцарь опустил взгляд: под ногами лежали осколки костей, перемешанные с чёрной пылью. Пыль прилипала к коже, въедалась в поры, царапала ладони, стоило только коснуться стены. Он провёл пальцами по камню — поверхность была тёплой, почти горячей, и под пальцами чувствовалось слабое, неровное пульсирование, будто под скалой билось чужое сердце.

И в тот миг, когда его пальцы коснулись шероховатой поверхности, камень вспомнил. Перед глазами рыцаря вспыхнула чужая память: гулкий зал, полный света от раскалённого металла, десятки гномов в кожаных фартуках, их лица, мокрые от пота, глаза, горящие упрямой решимостью. Он услышал тяжёлый, слаженный ритм ударов молотов — будто сама земля пела. Вспышка длилась лишь мгновение и тут же погасла, оставив после себя звенящую тишину и горький привкус утраты.

Тишину разорвал звук — не грохот ловушки и не рёв чудовища, а голос. Низкий, густой, словно выточенный из камня.

С точки зрения Кассиана

Дорога в поисках очередного осколка привела нас к подножию восточных гор. Именно здесь, если верить старым легендам, зародилась цивилизация гномов. Это уже потом, спустя столетия, они покинули это место, разбредясь по всему миру. Чувство притяжения привело меня ко входу одной из заброшенных шахт. Крайне странное место, скажу я вам. Всё пространство усыпано чёрным жирным пеплом или золой — не знаю, что это. Несмотря на то что шахта заброшена уже не первое десятилетие, периодически появляется чувство чьего-то присутствия. Пару раз было ощущение, что я вижу какие-то видения, но они быстро пропадали, как и мимолётные картинки.

Бертран, как верный друг человека, шёл по пятам за мной, не проронив ни слова, пока мы спускались. Да и в целом обстановка не располагала к беседам. Так мы и шли по старым коридорам, пока не раздался странный голос. Он шёл как будто из стены — был низким и вибрирующим.

— Не подходи ближе...

Замерев на миг и прислушиваясь к звукам, я ради эксперимента решил сделать ещё один шаг. И тут прямо из стены высунулась лохматая кудрявая голова в каске. Причём, что харак-

терно, голова была полупрозрачной, синего цвета целиком, иногда подёргивалась рябью и, самое главное, смотрела в противоположную от нас сторону.

— Я что, неясно выражаюсь? Дальше хода нет. Эй! А вы где?

После этих слов она снова скрылась в камне стены, после чего из неё вышел гном. Мне по пояс, с огромной, местами обожжённой бородой, носом картошкой, густыми бровями. Одет в рабочую робу, весь чумазый, в руке держит кирку, закинув её на плечо.

— Я ещё раз повторяю: дальше идти нельзя. Перекрытия нижних уровней поизносились так, что ещё один шаг — и дальше ваши тела с пробитыми пустыми башками будут откапывать следующие искатели острых ощущений на свои головы.

Выдав этот эмоциональный монолог, он устался на нас, продолжая периодически подёргиваться рябью.

— Мессир, это ведь... то, что я думаю? — дрожащий голос Бертрана раздался изза спины.

— Если ты думаешь, что это призрак или неупокоенный дух, то да, похож, но какойто он странный, — ответил я, уже собирая ману в руке — ну так, на всякий случай.

— Вы совсем аху...(помехи, вызванные рябью)...ели?! Я не призрак, а проекция психо-эмоциональной матрицы одного из первых шахтёров, что прокладывали туннели в этих горах.

— Ну, это, конечно, здорово, здорово, но есть два вопроса: первый — кто, второй — зачем тебя создали?

— А тебе всё расскажи... Но так уж и быть, как единственным гостям за последние сто двадцать два года, я скажу. А ответ на оба вопроса — без малейшего понятия.

— В смысле?

— В карамысле. Кристаллноситель был повреждён, и многие мои воспоминания канули в лету, как и это место. А знаете, как скучно здесь? Заняться вообще нечем. А вот, помнится, в былые времена...

— Так, стоп. Это всё, конечно, очень интересно, но лучше скажи, не видел ли ты гдето здесь осколок каменной плиты — древний артефакт.

— Так значит, печать не выдержала... И сколько осталось времени? Или всё уже началось?

— Откуда ты знаешь?

— Хм... Я знаю, точнее, знал всё, что происходит или происходило в глубинах этих пещер. Именно сюда истинные короли старых империй пришли просить помощи у подземного народа. Сотни гномов работали круглыми сутками, создавая основу для будущей заплатки миров... Что касается артефакта — да, я припоминаю, где он. За мной! Не стоит терять времени.

И гном, следуя своим же словам, свернул в один из ближайших проходов. Путешествие по развалинам гномьего города растянулось на долгие часы. Проекция постоянно петляла, обходила завалы и указывала на слабые места, где лучше не ходить. Многие проходы были безнадёжно завалены; несколько раз своды пещер начинали дрожать, но, по словам нашего нового знакомого, это обычное дело.

— Да не сыте, ребята, всё нормально. Это сердце горы перегревается, и аварийная система охлаждает его.

— Сердце горы? — встревоженно спросил Бертран, который плёлся гдето позади нас. Как оказалось, Бертран до одури боится слишком узких пространств, и в те разы, когда гном говорил, что нужно пролезть по узкому лазу, начиналась такая истерика...

— Сердце горы? Это... это... эээ... А, вспомнил! Сердце горы — это мощнейший магический реактор, который брал свою энергию из недр земли и питал все кузни и плавильные цеха этой горы. Главное... хм...

— Что главное? Эй, не молчи! — истеричный голос Бертрана.

— Дада, главное, чтобы аварийная система не вышла из строя.

— А что будет, если это произойдёт? — поинтересовался я.

— Ну... Тут два варианта: либо реактор окончательно перегреется, и тогда вместо гор здесь будет ахуенно большое озеро, либо... эээ...

— Что «либо»? — куда более заинтересованно спросил я.

— Это крайне интересный вопрос, но, к сожалению, я не помню, — жизнерадостно ответила проекция, проходя через очередную стену насквозь.

Наше путешествие окончилось в очередной полуразрушенной зале. Дальняя стена обвалилась, но, главное, из завала торчит рука. Плоть, как и одежда, давно истлела, оставив лишь кости. Между пальцев скелета лежит он — осколок со смазанным кровавым пятном, что давно почернело и высохло.

Ещё несколько часов спустя

Поверхность

Вылезли мы оттуда чудом. После того как осколок оказался у нас, часть подземных сооружений решила, что они устали держать сотни тысяч тонн камня, и обрушилась.

— Слава богам! Чистое небо, никаких потолков! — скакал по траве Бертран и, как обезумевший, выкрикивал, что любит небо и в гробу видал эти подземелья.

— Полагаю, ваши дела здесь закончены, — с ноткой грусти произнесла проекция, наблюдая за сумасшествием Бертрана.

— Пожалуй, ты прав. А что ты будешь делать? — спросил я.

— Что буду делать? Ждать конца или следующих отважных героев.

— Понятно, — ответил я, разворачиваясь и направляясь к лошадям.

— Слушай, проекция, я всё хотел спросить: а как тебя зовут? — остановился и произнёс я.

— Боб. А зачем тебе?

— Да так. Слушай, Боб, а твой кристалл — до него можно добраться? — сказал я, повернувшись к нему.

Дальнейшие события история умалчивает, но после этого не только у Кассиана в волосах появилась седина.

Часть 5 "Грех человеческий"

С точки зрения Кассиана

Дорога до столицы человеческого царства заняла почти две седмицы. Бертран, надо отдать ему должное, после подземелий не ныл ни разу — кажется, открытые просторы на какое-то время вылечили его от всех фобий разом. Я же думал. Думал много, мучительно, без перерыва.

Мы собирали осколки по всему континенту. Каждый давался кровью, потом, а один — почти жизнью. И теперь — последний. У императора. У того самого, чьим вассалом я, если вспомнить, когда-то был.

Первые сомнения у меня появились, когда на постоялом дворе в полудне пути от столицы старый торговец, накачав себя элем до состояния нестояния, рассказал мне, как обстоят дела в столице и ближайших землях. Тяжёлые поборы, стража на каждом углу, виселицы за долги вдоль тракта. И дворец — золотой, сияющий, перестроенный заново за рекордные сроки.

Торговец прищурился, глянул на мой меч, на Бертрана, с некоторой опаской посмотрел на полупрозрачного Боба, что уже час пытался накачаться, а учитывая, что он как бы не осязаем, то лужа под ним образовалась немаленькая, и спросил с пьяной хитростью:

— А вы, стало быть, в столицу? По делу али так?

Я не ответил. Бертран тоже промолчал.

Но вечер был странный. Когда стемнело и ветер потянул с востока, на губах у меня вдруг появилась горечь — тонкая, сухая, как будто я набрал в рот остывшей золы и не мог выплюнуть. Во рту не было ничего. Я провёл языком по зубам — чисто.

Я списал на усталость. Зря.

Столицу я помнил другой. Не то чтобы она была плохой раньше — просто обычной. Живой. Теперь же она блестела, как начищенный поднос, и блеск этот был неприятный, липкий, как масло на пальцах. Фасады домов свежевыкрашены, мостовые вымощены заново, фонтаны журчали чистой водой. Но людей на улицах было мало. Те, что попадались, шли быстро, не глядя по сторонам, и не улыбались. Стража стояла не на перекрёстках, а как бы случайно — у каждого второго дома.

Стоило мне ступить на вымощенный камнем двор, как горечь вернулась. Сухая, невесомая — не от еды, не от жажды, а откуда-то из самого воздуха, из стен, изпод мостовой. Я лизнул губы — и почувствовал: мелкое, порошкообразное, оседает на коже и не стирается, въедается, как копоть в каминную трубу.

На брусчатке, если присмотреться, — лёгкий налёт, серый, как после давнего пожара.

Во дворец меня пустили без вопросов. Узнав, кто я, привратник расплылся в улыбке, достаточно липкой, чтобы я захотел вытереть руку о плащ.

— Мессир Кассиан! Его величество ожидает вас. Разумеется, разумеется, немедленно!

Тронный зал я тоже помнил другим. Скромным, даже тесным. Старый император Эдвальд — отец нынешнего — принимал послов, сидя на дубовом стуле, не удосужившись обзавестись даже подобием трона. Теперь же зал вытянулся, будто его растянули за концы, потолок ушёл куда-то в невозможную высь, а трон... Трон был вырезан из цельного куска чегото тёмного, блестящего, и в камнях его спинки мерцал знакомый, болезненно-знакомый свет.

Я не сразу понял, откуда знакомый. Потом дошло: так же мерцали осколки, что мы собирали. Те самые. Только осколки были крошечные, целая россыпь, вделанная в спинку, в подлокотники, в подножие.

На троне сидел он — Рейнальд. Молодой — моложе меня, если считать по годам, — но выглядел он на все пятьдесят. Кожа серая, натянутая на скулах, как пергамент. Глаза — яркие,

лихорадочные, неестественно живые на этом мёртвом лице. На пальцах — перстни, на шее — цепь с камнем, что мерцал тем же светом. Руки на подлокотниках, и пальцы подрагивают — мелко, часто, словно он не может их унять.

Я поклонился — коротко, ровно настолько, насколько обязывает этикет, и ни на волос больше.

— Ваше величество, рад видеть вас в добром здравии.

Молодой император остановил свой взгляд на мне. Его глаза пылали почти осязаемым безумием.

— Сколько?

— Четыре, ваше величество.

— Четыре! — Он даже привстал, и по его лицу прошла судорога, которую он, видимо, принял за улыбку. — Великолепно! Значит, последний, стало быть...

Тишина. Длинная, тягучая, как мёд. Император откинулся на спинку трона и посмотрел на меня — оценивающе, как мясник на тушу.

— У меня. Да. У меня. И что ты собираешься с этим делать, мессир рыцарь?

— Забрать. Чтобы соединить все осколки и восстановить Печать.

— Печать... — Он покатал слово на языке, будто пробовал вино. — Печать, Печать... Знаешь, а мне она, по совести, и не нужна. Мне и так хорошо.

И он засмеялся. Смех был негромкий, но шёл откудато изнутри, из живота, и отдавался в зале странным, многократным эхом, будто стены отражали его не сразу, а с задержкой, с неохотой.

Я шёл по дворцовому коридору, и меня мутило.

Четыре осколка — в сумке, за пазухой, у сердца. Пятый — в троне, в перстнях, в камне на шее императора. Распилен на части, вделан в украшения, используется как... как батарейка. Как вечный двигатель для жадности одного человека.

Я остановился у окна. За ним — город.

Я думал.

Я — рыцарь. Я принёс клятву. Не этому — его отцу, Эдвальду, мир его праху. Эдвальд был человеком нелёгким, но честным. Думаем дальше. Артефакт — у императора. Он не отдаст. Я — не могу украсть. Я не вор. Я не убийца. Я рыцарь, и это не просто слово, это — я. Без этого я — ничто, кусок мяса в доспехе.

Но и уйти без осколка нельзя. Печать рушится. Время уходит. Я видел, что творится в подземельях гномов: камень, который помнит, воздух, который гниёт, пыль, которая въедается в кожу. Я чувствовал, как мир становится тоньше — как бумага, которую держишь на свету и сквозь которую уже просвечивает то, что за ней.

Переворот. Слово пришло легко — слишком легко. Свергнуть. Захватить. Забрать силой. Но что тогда? Я стану тем, с чем борюсь? Рыцарь, свергающий короля, — это уже не рыцарь. Это... это... наёмник с лучшими доспехами.

И всётаки.

Я стоял у окна, пока за ним не погас последний луч и город не накрыла тьма. И тьма эта была не обычная, ночная — в ней чувствовалось что-то ещё. Воздух на вкус стал горьким, и горечь была знакомая — та самая, утренняя, только сильнее, гуще. Я облизал губы и почувствовал на языке порошок — мелкий, сухой, въедливый, не соль и не песок, а что-то легче, что-то, чего не коснёшься пальцем, но что остаётся на коже.

Я отшатнулся от окна. Пальцы дрожали.

— Мессир, что случилось? — раздался взволнованный голос Бертрана за спиной.

— Да ничего. Нам нужно покинуть это место. Боб, хватит клеить служанок.

— Ну, Кас... — обиженный голос Боба.

— Что, Кас? Я вообще не представляю, чем ты собираешься их потом... ну... это... ты понял.

На следующее утро я спустился в город — один, без Бертрана, без доспеха, в простом плаще. Мне нужно было увидеть. Не дворец — город. Настоящий.

На рынке — пустые прилавки, к которым ещё вчера, по слухам, тянулись ряды торговцев. В переулке — женщина с ребёнком, в латаной одежде. У караулки — объявление: за укрытельство от налога — двадцать плетей; за неповиновение страже — левая рука. Я стоял и читал, и на языке снова появился тот вкус — горький, сухой, невесомый, как будто я жевал остывший уголь и не мог выплюнуть.

— Читаешь, рыцарь? — Голос за спиной, тихий, мужской.

Я обернулся. Невысокий, жилистый, в кожаном переднике — ремесленник, судя по мозолям. За его спиной, в тени стен, стояли ещё трое. Женщина в тёмном плаще с капюшоном, изпод которого виднелись перевязанные грубой тканью пальцы — не руки рабочего, руки, привыкшие к перу и к тонким жестам. Здоровяк, от которого за три шага разлило честной сталью и не менее честным потом. И тощий юноша с бегающими глазами и длинными пальцами, которым самое место было не здесь, а в компании отмычек в замочной скважине.

— Читаю, — сказал я.

— И как, нравится? — Ремесленник сплюнул. Слюна была серой. Он не заметил.

— Ты ведь тот самый охотник за артефактами?

— Хах, меня правда так называют.

— Слухи ходят разные, — неопределённо ответил незнакомец.

— Тогда скажи мне, рыцарь: зачем ты их собирал? Чтобы он вставил их в свой трон и сиял, как чёртово солнце?

Я промолчал. Не потому, что не знал ответа, а потому, что ответ мне самому не нравился.

— Меня зовут Хольгер, — ремесленник протянул руку, мозолистую, тяжёлую. — Это — сестра Марена. Это — Гред. А вот этот — Рен. Он вор, но хороший вор.

— Рыцарь и вор — плохая компания, — сказал я.

— А рыцарь и тиран — хорошая? — ответила Марена. Голос тихий, ровный, но в нём была та самая тяжесть, что бывает у людей, привыкших говорить с тем, кто не хочет слушать.

Я посмотрел на них. Четверо. Против короля, дворцовой стражи. Четверо против всех.

— Что вы хотите? — спросил я.

— Ты уже знаешь ответ на этот вопрос.

Три дня. Три дня я провёл в городе, слушая, глядя, взвешивая. Хольгер водил меня по кварталам — не по парадным, по задним. Марена говорила с людьми, и люди слушали её — не потому, что боялись, а потому, что она говорила правду, и правда была горькая, но людям нравилось её слышать. Хольгер ковал оружие — тайно, по ночам. Гред тренировал молодых — не солдат, мальчишек, ремесленников, пекарей, грузчиков, — учил держать строй и не бежать. Рен... Рен ходил по дворцу. Не воровал — узнавал. Где стража, где смена караула, где тайные ходы.

А я — я думал.

Думал о клятве. Я думал о Печати. Об осколках за пазухой и о бесконечном и вездесущем чувстве горечи. Я не мог от него избавиться. Я пробовал воду, хлеб, вино. Горечь не уходила. Она была по всюду и всегда.

Выбор стал очевиден. Не лёгким, но очевидным.

Сторонний наблюдатель

ассвете, когда стража сменилась, а новая ещё не успела налить себе чаю.

Они вышли из переулков — не армия, не толпа, а горстка людей, решивших, что хватит. Хольгер — впереди, с молотом, который выковал сам, и улыбкой, которой не было на лице, а только в глазах. Гред — рядом, с мечом и щитом, и за его спиной — те, кого он тренировал: дрожащие, бледные, но стоящие. Марена — позади, и губы её двигались беззвучно, и от слов тех теплились руки, и оружие переставало дрожать. Рен — нигде и везде, растворённый в тенях, как соль в воде.

Дворцовая стража не ждала. Не то чтобы не ждала — не верила. Люди с вилами и кузнечными молотами и топорами для дров против закованных в сталь профессионалов? Но хитрый юркий мальчишка сделал своё: ворота были не заперты. Не то чтобы он их открыл — он просто... позаботился, чтобы замок утром не щёлкнул.

А когда стража потянулась к оружию... Шёпот, что сам забирается в уши, проникает и проникает в глубины разума. Чародейка в чёрной тяжёлой рясе знала своё дело. У кого-то задрожали пальцы. У кого-то потемнело в глазах. У кого-то рука сама разжалась, и меч упал на камень с протяжным, звенящим лязгом, и звук этот был последним, потому что после него в дворцовом дворе стало тихо.

Не бой. Не побоище. Чтото иное — как будто город выдохнул, и выдох этот снёс стражу, как ветер — осенние листья.

Рыцарь шёл к тронному залу, и шаги его были ровны, и свет шёл впереди него, и тени — те, внутренние, чёрные, что жили в стенах, — отползали, съёживались, втягивались в камень. Воздух попрежнему горчил, и на губах у каждого, кто шёл рядом, был привкус остывшей золы, но горечь слабела с каждым шагом. Пепел отступал.

Тронный зал. Двери — настежь. Император — на троне. Один.

В первый момент рыцарь не узнал его. Не потому, что изменилось лицо, а потому, что не осталось лица. Серая кожа стала прозрачной, и сквозь неё виднелись кости — не метафора, буквально виднелись, как сквозь мутное стекло. Перстни на пальцах светились так ярко, что на них невозможно было смотреть. Камень на шее пульсировал.

— Рейнальд, — сказал рыцарь.

Император поднял голову. Глаза — два провала, в которых не было ни зрачков, ни белков, только свет — тот самый, неестественный, болезненный.

— Ты пришёл забрать, — не голос. Шёпот, идущий отовсюду: от стен, от пола, от трона. — Я знал. Я всегда знал, что придёт такой, как ты, — герой без греха и упрёка.

— Отдай. Сам. Или мне придётся взять его силой.

— Не возмёшь, — на мёртвых губах появилось чтото вроде усмешки. — Ты не сможешь. Ты думаешь, я не знаю, для чего камни? Ты думаешь, я дурак, что лишил себя разума ради золота и дворцов?

И тогда король сказал то, чего рыцарь не ждал.

С точки зрения Кассиана

— Ты дурак, Кассиан. Ты и короли старых империй, и гномы, и все вы. Вы думали, Печать — стена. Заплата. Заслон. А она — клетка. Моя клетка. Понимаешь?

Я не понимал. Или понимал, но не хотел.

— Камень не даёт мне власть, — король поднял руку, и я увидел: пальцы его были прозрачны до невозможности, и сквозь них просвечивали кости, и кости были чёрными. — Он берёт. Каждый день, каждый час. Берёт и держит. Я — пробка. Я заткнул собой то, что рвётся наружу, и держу. Держу, Кассиан, уже пять лет. Каждый день. Каждый вдох — боль. Каждый вздох — как последний.

Я молчал. За спиной — Хольгер, Гред, Марена. Они тоже молчали.

— Ты думаешь, я не знаю, что творится в моём королевстве? — Голос его дрогнул, и в дрожи той проступило чтото человеческое — на секунду, на одну лишь секунду. — Знаю. Налоги? Да. Виселицы? Да. Стража? Да. Потому что мне нужны люди. Мне нужна еда. Мне

нужно железо. Мне нужно всё — не для дворцов, дурак, не для купален и мрамора! Для того, чтобы держать. Печать рвётся, и я — единственное, что между ней и...

— Печать, — сказал я, и голос мой был ровен, потому что я не позволил ему дрожать. — Печать — не ты. Печать — пять осколков, соединённых вместе. Ты — не печать, Рейнальд. Ты — человек, который держал то, что должен держать артефакт. Артефакт, который ты распилил и вделал в свой трон.

— Если я отдам камень — я умру, — сказал он просто, как факт.

— Если не отдашь — умрёт всё.

Тишина. Длинная. Тягучая.

— Я знал, — сказал император. И улыбнулся. Улыбка была страшная — на мёртвом лице, на прозрачных губах. — Я знал, что ты придёшь. И знал, что скажешь. И знал, что я отдам. Потому что самое страшное, когда ты смотришь в бездну, — это когда бездна смотрит в тебя, и уже не ясно, кто из вас кто.

Он снял цепь с шеи — медленно, дрожащими, прозрачными пальцами. Снял перстни — один, другой, третий. Достал камни из подлокотников, подножия, спинки трона — камни, что были частью трона, частью его, частью того, что он держал пять лет, не смыкая глаз, не зная сна, не помня вкуса еды. Только горечь. Только серый порошок на губах, который не стирался.

Он положил их на пол — россыпь мерцающих, неровных осколков, — и отступил.

— Бери. И уходи. И если можешь — не вспоминай обо мне. А если вспомнишь — вспоминай не так. Не как тирана. Как дурака, который держал небо и не рассчитал сил.

Я взял осколки. Они горели в ладонях — ровно, тепло, как угли, что не прогорели. Живые. Настоящие. И на губах — впервые за эти дни — горечь стала отступать. Серый порошок таял, как иней на солнце. Воздух наполнился запахом — простым, земным: мокрый камень, пыль, хлеб из пекарни за углом.

Я обернулся — последний раз.

Он сидел на троне. Трон без камней был просто камень — тёмный, тяжёлый, молчаливый. А император — без камней — был мальчишка. Молодой, измученный, с серым лицом и провалами глаз, в которых не осталось света. Мальчишка, который держал то, что не должен был держать, потому что никто больше не решился.

— Прощай, — сказал я.

— И ты, — ответил он. И закрыл глаза. И впервые за эти пять долгих лет уснул — уже навсегда.

Я вышел из дворца. За спиной — четверо. Хольгер молчал, сжимая рукоять молота так, что костяшки побелели. Марена шла, опустив голову, и губы её больше не двигались — всё, что нужно было, сказано. Гред нёс на руках мальчишку, которого задело шальным ударом. Рена не было — парень, как и подобает вору, уже скрылся с места происшествия.

Город встретил нас молчанием. Уже потом, сначала несмело, а затем всё больше распалаясь, толпа начала ликовать.

Я не ликовал. Я шёл, опустив голову, не глядя в глаза обезумевшей толпе, что упивалась смертью одного глупого человека, взявшего на себя слишком много.

За спиной раздался голос — вроде это был Хольгер, хотя точно я сказать не могу:

— А кто теперь станет новым императором?

— Не знаю. Да и уже это не так важно. Я ухожу. Мои дела здесь закончены, — ответил я, уходя всё дальше к окраинам города, пока не покинул его.

Я шёл к Бертрану и Бобу, что остались за пределами столицы по моему приказу, как будто я знал, чем всё это кончится.

Часть 6 "Путь к Разлому"

Земля у Разлома не просто стонала — она кричала. Только крика не было слышно. Он шёл изнутри: в висках стучало, в груди звенело, будто рёбра превратились в натянутые струны, и кто-то дёргал их все разом.

Кассиан шёл, но дорога не хотела его держать. То камень под ногой вдруг становился мягким, как прогнившее дерево, и проваливался с влажным чмоканьем, то земля вдруг делалась твёрдой, как лёд, и скользила, заставляя падать. Каждый шаг — борьба. Каждый вдох — будто глотаешь пепел. Он и был повсюду: сухой, серый, оседал на губах, скрипел на зубах, въедался в язык, оставляя ту самую горечь — знакомую, упрямую, будто она жила в нём дольше, чем он сам.

Голоса налетели сразу, со всех сторон, как стая невидимых птиц.

— Кас, не ходи туда! — голос Марены, тихий, но такой чёткий, будто она стояла прямо за плечом, шептала ему на ухо. — Там нет спасения. Там только тьма.

— Да брось, — другой голос, насмешливый, знакомый до дрожи — Рен. — Ты же рыцарь. Ты должен верить, что свет победит. Ха! Свет тут гаснет, как спичка под дождём.

— Не слушай их, — третий голос, низкий, тяжёлый, как удар молота — Хольгер. — Иди. Держи шаг. Если остановишься — они тебя возьмут.

— Остановись, — прошептал кто-то совсем рядом, почти в груди. — Отдай осколки. Пусть всё сгорит. Это будет быстрее.

И тогда — Бертран. Голос вспыхнул так внезапно, что Кассиан споткнулся. Тёплый, хриловатый, чуть насмешливый — такой настоящий, что хотелось обернуться и увидеть его, увидеть живого, стоящего за спиной с мечом на плече.

— Кас, ты опять полез туда, куда не надо, — сказал Бертран. Просто сказал, будто они сидели у костра, и он комментировал очередную глупость Кассиана. — Я же говорил. Я же говорил, что ты дурак, Кас. А ты не слушаешь. Ты никогда не слушаешь.

— Замолчи, — прохрипел Кассиан. — Ты не настоящий.

— Не настоящий? — Бертран рассмеялся. Смех был короткий, лающий, и отдался в ушах звоном. — А какой я, по-твоему, настоящий? Тот, что сидит за пределами этого места и ждёт тебя? Тот, что верит, что ты вернёшься? Кас, я верю. Вот в чём беда. Я верю, а верить тут опаснее, чем рубить наугад.

— Бертран, заткнись! — Кассиан рубанул воздух. Меч свистнул, рассекая пустоту, и голос откатился в сторону, но не исчез — зазвучал с другого бока, будто перетек.

— Ты даже не обернулся, — сказал Бертран уже тише, почти грустно. — Ты даже не посмотрел. Кас, я ведь иду за тобой. Я всегда иду за тобой. А ты... ты идёшь вперёд и не оглядываешься. Что ты будешь делать, когда всё закончится, Кас? К кому ты вернёшься?

Кассиан стиснул зубы. Голоса сливались в один гул, похожий на рокот далёкого водопада, только вместо воды — слова, острые, как осколки стекла. Он не отвечал.

А потом — Боб. Ну конечно. Боб. Голос низкий, гундосый, обиженный, до смешного знакомый, до слёз настоящий.

— Кас! Кас, подожди! — Боб заныл, затрещал, зазвенел — будто он просочился сквозь саму ткань Хаоса и теперь вибрировал на пределе слышимости. — Кас, тут страшно! Тут темно, и я не вижу своих рук! Ну, я их и так не вижу, я ж полупрозрачный, но тут-то вообще ничего не видно! Кас!

— Боб, тебя тут нет, — сказал Кассиан сквозь зубы.

— Как это нет? А кто тогда с тобой разговаривает? Я, между прочим, переживаю! Я тут сижу, как ты и сказал, и Бертран молчит, и вообще... — голос Боба дрогнул, и в нём проступило что-то непривычное — серьёзность, почти испуг. — Кас, ты живой? Ты... ты пахнешь

пеплом. Я чувствую. Даже я. Даже через эту... через всё это. Пепел. Горький. Как тогда, в столице, только хуже. Кас, ты в порядке?

— Нет, — сказал Кассиан. Честно. Потому что врать голосам Хаоса — бессмысленно, а врать себе — опасно. — Нет, Боб, я не в порядке.

— Ну вот! — Боб заговорил быстрее, затараторил, как он умел, захлёбываясь словами, будто они были единственным, что его держало. — Я знал! Я говорил Бертрану, я говорил: «Бертран, он туда пошёл, он один пошёл, он же без нас пропадёт!» А Бертран что? Бертран молчит. Бертран всегда молчит, когда нервничает. А я не молчу, Кас, я не умею молчать, и вот я тут, и мне страшно, и я не понимаю, как я тут оказался, но я тебя слышу, Кас, я тебя слышу, и у тебя на губах пепел, я чувствую, и...

— Боб, — Кассиан закрыл глаза. — Боб, замолчи. Пожалуйста.

Боб замолчал. Но тишина была недолгой.

— Кас, — сказал Боб тихо, почти шёпотом. — Ты же вернёшься? Обещай, что вернёшься. Мне... мне не с кем будет клеить служанок. Бертран не умеет. Он серьёзный. А я...

Голос оборвался. Просто исчез, будто его отрезали. И от этого стало хуже, чем от всех криков и шёпотов вместе взятых. Потому что кричать — значит жить. А тишина — значит...

Он рубанул на звук. Меч ушёл в пустоту, но пустота сопротивлялась — упруго, влажно, будто воздух стал водой. И тут же — шипение. Длинное, злое, как у змеи, только без голоса, просто вибрация, которая проникала под кожу и заставляла мышцы дёргаться.

— Ты не сможешь, — пропел голос сверху, высокий, тонкий, как звон стекла. — Ты устал. Ты ранен. Ты просто человек.

— Я рыцарь, — выдохнул Кассиан, сам не зная, кому это говорит — себе, голосам, тьме. — Я дал клятву.

— Клятвы тут не работают, — ответил голос снизу, глухой, будто из-под земли. — Тут нет правил. Тут только голод.

И снова — Бертран. Ближе, тише, почти с нежностью, которой настоящий Бертран ни за что бы не показал.

— Кас, ты помнишь, как мы встретились? — спросил он. — Ты тогда тоже шёл куда-то, не оглядываясь. Суровый, молчаливый, с этим своим мечом. А я — сопляк, который не знал, с какого конца хвататься за рукоять. Ты научил меня. Ты учил меня держать строй, не бежать, смотреть в глаза. А теперь ты сам бежишь, Кас. Только не от врага — от себя.

— Я не бегу.

— Бежишь. Ты бежишь от того, что чувствуешь. Пепел на губах — это не от Хаоса, Кас. Это от тебя. Ты выгорел. Ты горел, как тот мальчишка на троне, только не замечал. Думаешь, Рейнальд был единственным, кто держал небо?

Кассиан остановился. Ноги не слушались. Горечь на языке стала такой густой, что казалось, она стекает вниз, в горло, в грудь, и там застывает.

Голос истончился, растаял, будто его сдул ветер, которого не было.

— Кас...

— Не ходи...

— Вернись...

— Пусть горит...

— Ты устал...

— Отдай...

— Отдай...

— Отдай...

Голоса сплелись в один гул, и пепел посыпался гуще, и горечь стала такой, что хотелось вырвать собственный язык. Кассиан стиснул зубы и шагнул вперёд.

Ещё один удар. На этот раз — не сбоку, не спереди, а изнутри. В груди что-то дёрнулось, будто сердце на секунду забыло, как биться. Кассиан пошатнулся, но устоял. Меч снова взлетел, ударил — и на этот раз встретил сопротивление. Что-то упругое, холодное, живое. Сталь вошла, и в ответ — не крик, а вздох. Длинный, тяжёлый, полный боли. И запах — гниль, железо, дым. И горечь, ставшая такой сильной, что глаза заслезились.

Пепел кружился в воздухе, хотя ветра не было. Он оседал на ресницы, на губы, на клинок меча. Серый, невесомый, но тяжёлый, будто каждый кусочек весил больше, чем должен. Кассиан вытер лицо рукавом — и только размазал пепел, смешав его с потом и кровью.

— Смотри, — прошептал голос совсем близко, почти касаясь уха. — Смотри, что ты делаешь.

Перед глазами вспыхнули картины. Не настоящие — иллюзии, но такие яркие, что хотелось зажмуриться. Бертран, смеющийся, живой. Бертран, стоящий у костра, с мечом на плече. Боб, тараторящий что-то, размахивая полупрозрачными руками. Потом — Бертран, лежащий на камнях, с пустым взглядом. Боб, распадающийся на клочья тумана. Марена, шепчущая молитву. Хольгер, сжимающий молот так, что костяшки белеют. Рен, исчезающий в тени. И все они смотрели на него — с упреком, с надеждой, с болью.

— Это не правда, — прохрипел Кассиан. — Это не они.

— А если правда? — спросил голос. — А если это всё, что останется?

— Кас, — последний голос. Бертран. Совсем тихий, как последнее слово перед сном.

Кассиан не обернулся. Он рубанул — последний раз, не глядя, на звук, на запах, на каждое изменение давления воздуха. Меч рассёк что-то холодное, мокрое, живое, и оно лопнуло, и в лицо полетели брызги, ледяные и едкие, и горечь стала такой, что он захлебнулся ею, закашлялся, сплюнул — и в слюне был пепел, серый, сухой, невесомый.

Дальше дорога пошла под уклон, и каждый шаг отдавался в коленях, в спине, в груди. Камни под ногами стали скользкими, будто покрылись льдом.

Разлом ждал. Его не было видно — но он был. Он давил. Вытягивал воздух из лёгких, тепло из рук, звук из ушей. Молчание, которое было громче крика. Оно шептало — не словами, а ощущениями: тяжестью в груди, холодом в пальцах, горечью на языке, которая стала такой плотной, что казалось, её можно прожевать и выплюнуть. Но выплюнуть не получалось. Пепел оставался. Он был везде — на губах, на зубах, на нёбе. Серый, сухой, невесомый, как то, что остаётся, когда не осталось ничего, что могло бы гореть.

Кассиан стиснул зубы. Вытащил осколки из сумки. Они горели в ладонях — ровно, тепло, как угли, что не прогорели. Живые. И горечь от их света чуть отступила, пепел на губах стал таять, как иней на солнце.

Он шагнул к пьедесталу.

Тишина. Абсолютная. Даже собственное дыхание стало неслышным.

Кассиан положил осколки на пьедестал. Они вспыхнули — он не увидел, но почувствовал: тепло, ровное, живое, как кровь в жилах. И горечь — впервые за все эти дни — начала отступать. Пепел на губах таял.

Но за спиной — шорох. Лёгкий, как шаг босой ноги по тёплому пеплу.

И голос. Не в голове — в воздухе. Тихий, бархатный, тёплый, как прикосновение ладони к щеке.

— Думаешь, ты всё исправил? Он почти уже здесь. Вам не спастись. Некуда бежать.

Кассиан не обернулся. Он стоял, глядя на осколки, которые мерцали на пьедестале.

А потом голоса вернулись. Все сразу.

— Кас...

— Не делай этого...

— Держи шаг...

— Пусть всё сгорит...

— Кас, ты обещал...

— Ты устал...

— Отдай...

— Отдай...

— Отдай...

Они сплетались в один бесконечный гул. Давили на разум, ломали скрепы воли, дробили незащитное сознание.

Часть 7 "Сталь против Бездны"

Кассиан стоял. Не отрывая взгляда. Осколки мерпали. Печать на пьедестале дрожала. Линии ломались. Снова рассыпались. Всполохи гасли. Он чувствовал каждый шрам. Каждый ожог. Они горели. Напоминали: он жив. Артефакты в руках. Не просто камни. Узлы судьбы. Стянутые болью. Клятвами. Чужими надеждами. Ошибки и решения слились. Он пришёл поставить точку.

Из Разлома потянуло холодом. Не кожи. Глубже. В память. В сны. В тихие углы сердца. Бездна заговорила.

Сотни голосов. Один грохот. Друзья. Первая любовь. Родители. Учителя. Враги. Прохожие. Все требовали. Умоляли. Спрашивали. Звали с собой. Просили остановиться. Вой давил на разум. Невозможно понять, кто говорит. Но каждого слышал. До омерзения чётко.

Это длилось минуты. Вдруг всё стихло. Печать перестала дрожать. Осколки вспыхнули. Потеряли форму. Переплавились. Слились в монолит. Голоса пропали. Наступила тишина. Горечь ушла. Боль ушла. Всё исчезло. Хаоса больше не было.

Но появился он. Человек. Серый костюм. Тёмные волосы. Очки. Папка в руках. Невыразительная внешность.

— Добрый день. Не уделите пару минут по вопросу...?

Дальнейшие слова утонули. Сердце бешено билось. Дыхание перехватило. Меч выпал. Звякнул о землю. Ужас пробрал до самой глубины души. Я бросился прочь. Не оглядываясь. Не глядя по сторонам. Одна мысль теплилась в голове: «Бежать! Нужно бежать!»

С точки зрения Бертрана

На границе земель Разлома

Напряжённое ожидание кончилось неожиданно, когда Кассиан, не разбирая дороги, вывалился из кустов и на максимальной скорости бежал к нам. Лицо его было искажено в неподдельном ужасе — никогда до этого, да и после этого, я не видел подобного страха в его глазах.

— Мессир, что-то случилось! — выкрикнул я, поднимаясь с земли.

— Бертран, седлай коней, нужно бежать, мы покидаем эти земли, а лучше этот континент, если не мир!

— Что случилось?

— Он уже здесь, этот мир обречён!

И тут за его спиной показался он — странный человек с папкой в руках, и его слова — это последнее, что отчётливо я слышал в тот день.

— Уважаемые, не могли ли вы уделить мне буквально пять минут по вопросам налогообложения?

Вот так этот мир был спасён от неминуемой гибели в хаотическом пламени энтропии, но был обречён на медленное угасание под тяжестью продвинутой системы налогов.

Эпилог

Прошло два года с момента, как наши герои спасли мир. И он до сих пор стоит: налоговый инспектор осел в землях эльфов с их благодатной землёй в виде зачатков демократии, и на какое-то время остальные земли были защищены от новой напасти.

А вот и старая крепость на границе империи. Раннее утро.

Дверь распахнулась с резким визжащим скрипом так и несмазанных петель и с оглушительным стуком врезалась в каменную кладку стены.

— Мессир! Вот вы где, проснитесь! Случилось ужасное, непоправимое! Мессир, вы меня слышите? Мессир!

С невероятным трудом приоткрыв один глаз, я посмотрел в сторону входа, где стояла моя вечная головная боль. Голова гудела, мысли, как мыши от кота, разбегались в разные стороны, но, собрав всю волю в кулак, со второй попытки смог прохрипеть ответ.

— Альфред, гавнюк мелкий, чё ты орёшь, какое ещё непоправимое, дьявол тебя задери! Не видишь, мы тут с господином Кассианом обсуждаем важные дела.

Всё же, приподнял голову и уставился перед собой на Кассиана, что до этого момента спал, откинувшись на спинку стула, и сейчас с невероятным трудом протирает глаза, чмокая пересохшими губами.

— Но как же, мессир, случилось ужасное: пророчество сбывается!

Услышав это, Кас закатился хриплым истерическим смехом, чуть не свалившись со стула. Когда он немного успокоился, то сквозь смех сказал мне:

— Хах, ну что, Бертран, пиздуй, теперь твоя очередь спасти мир.

И снова начал смеяться.

— Но, господин, это не единственная новость, — осторожно сказал Альфред в перерыве между смехом.

— Что там ещё!? — с раздражением спросил я.

— Ну, боевой отряд эльфов в полной экипировке стоит у ворот. И их предводительница, что представилась королевой эльфов, говорит, что её сын хочет повидаться с папой.

— Чего!? — почти закричал в удивлении Кас.

— Да, господин, но это не самое страшное. Страшнее то, что когда я бежал к вам, то услышал, как Боб сказал, что сейчас всё порешает, когда тот направлялся к воротам.

Услышав это, Кас мгновенно побледнел и буквально через мгновение оказался за пределами комнаты, на всей доступной скорости петляя по коридорам крепости, направляясь к выходу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.